E18 420

E18-420

А. С. Резановъ.

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА

О

НѢМЕЦКИХЪ ЗВѢРСТВАХЪ

«Самъ погибай, а товарища
выручай».

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

9(43)
Р 343

ПЕТРОГРАДЪ
1915

E18 / 420
53217/a

А. С. Резановъ.

9(43) „1914"
Р. 343

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА

О

НѢМЕЦКИХЪ ЗВѢРСТВАХЪ

«Самъ погибай, а товарища
выручай».

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

Библиотека Журналистов
№ 8818

БИБЛИОТЕКА
ДИСКУССИОННОГО КЛУБА
№ 1102.

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Н

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 16997 1963

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣмецкія звѣрства надъ русскими воинами.

Наши непріятели, не будучи въ силахъ сломить доблесть русскихъ войскъ, вымещаютъ свою злобу на больныхъ и раненыхъ воинахъ, попавшихся въ ихъ руки. Озлобленные нѣмцы, побитые и на нашемъ фронтѣ и на фронтѣ нашихъ союзниковъ, превратились въ настоящихъ дикарей, которые не умѣютъ уважать доблестнаго врага, лишеннаго возможности сражаться. Ихъ высшее начальство само приказываетъ своимъ солдатамъ добивать и мучить нашихъ воиновъ, попавшихся имъ въ руки. Послѣ войны, когда нѣмцы будутъ совершенно разбиты, они, конечно, отвѣтятъ за всѣ подлости, совершенныя въ отношеніи нашихъ воиновъ.

Свидѣтельства о нѣмецкихъ звѣрствахъ многочисленны и достовѣрны, а потому сомнѣній въ истинности приводимыхъ фактовъ, къ глубокому нашему сожалѣнію, не можетъ быть никакихъ. Мы неоднократно бесѣдовали съ ранеными нашими воинами и въ числѣ ихъ съ побывавшими въ

нѣмецкомъ плѣну, и лично слыхали о добиваніи нашихъ раненыхъ и о разстрѣлахъ плѣнниковъ, отдавшихся почему-либо въ нѣмецкія руки.

Одинъ рядовой намъ разсказывалъ, что, попавши въ плѣнъ къ пруссакамъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣмецкій конвоиръ пристрѣлилъ русскаго солдата, который, будучи раненымъ въ ногу, не могъ поспѣвать за партіей плѣнныхъ.

Раненый въ Восточной Пруссіи капитанъ Харкевичъ сообщилъ намъ нѣсколько случаевъ, слышанныхъ имъ непосредственно отъ пострадавшихъ. Такъ, напримѣръ, лежавшій въ одномъ изъ бѣлостокскихъ госпиталей подпоручикъ Хрокало передавалъ капитану Харкевичу, что, когда онъ, будучи раненъ 12 августа, лежалъ на полѣ сраженія, то проходившіе мимо нѣмецкіе солдаты произвели въ него нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ поручикъ былъ раненъ въ голову. Капитанъ Калужскаго пѣхотнаго полка, лежавшій въ 393 полевомъ госпиталѣ, сообщилъ капитану Харкевичу, что его, лежавшаго раненымъ, пытался заколоть нѣмецкій солдатъ, но причинилъ лишь легкую рану. Послѣ этого негодяй сталъ заряжать винтовку, намѣреваясь пристрѣлить нашего офицера, но, къ счастью, былъ остановленъ проходившимъ мимо нѣмецкимъ лейтенантомъ.

Нашъ собесѣдникъ упомянулъ еще объ одномъ штабсъ-капитанѣ, которому, уже раненому, австрійскіе солдаты нанесли два удара прикладами, а затѣмъ, думая, что онъ мертвъ, срѣзали съ него бинокль, шашку, полевую сумку и стащили сапоги.

«Армейскій Вѣстникъ» сообщаетъ:

«Во время горячихъ августовскихъ боевъ въ Люблинской губерніи, при наступленіи одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ, былъ раненъ въ ногу штабсъ-капитанъ этого полка А. С. Чернявскій. Тотъ участокъ поля, на которомъ лежалъ раненый, временно, на нѣсколько минутъ, перешелъ въ руки австрійцевъ. И вотъ, австрійскій офицеръ, пробѣгая, видимо, уже назадъ, мимо лежавшаго штабсъ-капитана Чернявскаго, выстрѣлилъ въ него, явно цѣля въ голову, но попалъ въ шею. Когда наши подобрали раненаго офицера, онъ еще былъ въ сознаніи и успѣлъ разсказать все происшедшее съ нимъ. Но вторая рана оказалась смертельной».

Подъ заголовкомъ «Еще и еще»... въ той же газетѣ разсказывается:

«13-го августа къ вечеру на бивакъ отряда подъ Монастыремъ казачій разъѣздъ привелъ бывшаго въ плѣну казака Степана Крыгина, который доложилъ слѣдующее:

12-го августа австрійцы взяли въ плѣнъ ветеринарнаго врача, сотеннаго ветеринарнаго фельдшера, младшаго ветеринарнаго фельдшера и четырехъ казаковъ, въ томъ числѣ и Крыгина. Всѣхъ плѣнныхъ отвели въ лѣсъ верстъ за восемь отъ Монастыря, поставили въ одну шеренгу, связали шпагатомъ руки, повернули задомъ и дали по нимъ одинъ залпъ, послѣ чего въ каждаго плѣннаго было произведено по два выстрѣла изъ револьверовъ. Всѣ были убиты, кромѣ казака

Крыгина, который притворился мертвымъ, и ветеринарнаго врача, тяжело раненаго. Когда австрійскіе солдаты услышали, что ветеринарный врачъ еще стонетъ и проситъ добить его, то нѣсколько конныхъ солдатъ проѣхали по нему на лошадяхъ. Послѣ ухода солдатъ Крыгинъ поползъ по направленію къ нашему отряду.

Казачій разъѣздъ, объѣзжая этотъ лѣсъ, подобралъ раненаго и привезъ на бивакъ. У казака Крыгина оказались три раны; въ поясную часть, въ ключицу и въ лобную кость и слѣды тугой завязки тонкой веревки».

Наконецъ заимствуемъ еще одинъ разсказъ изъ «Армейскаго Вѣстника» подъ тѣмъ же много говорящимъ заглавіемъ.

«Раненый рядовой одного изъ пѣхотныхъ полковъ Михаилъ Безуховъ сообщилъ своему начальству нижеслѣдующее. Когда рота при наступленіи прорвалась на позиціи австрійцевъ, то его взводъ во главѣ съ полуротнымъ командиромъ былъ окруженъ преобладающими силами непріятеля, который заставилъ ихъ бросить оружіе и отвелъ въ сторону. Они, примирившись съ положеніемъ плѣнныхъ, сидѣли около дерева, а мимо проходили австрійцы навстрѣчу наступающимъ нашимъ войскамъ. Вдругъ австрійскій офицеръ новой проходящей роты быстро подошелъ къ нимъ, приказалъ встать и поднять руки кверху, а затѣмъ по его командѣ австрійцы начали ихъ разстрѣливать. Первымъ палъ офицеръ. Австріецъ въ него выстрѣлилъ въ упоръ. Безуховъ былъ раненъ,

тѣмъ не менѣе австріецъ выстрѣлилъ въ него нѣсколько разъ, кололъ нѣсколько разъ штыкомъ и ударилъ ложемъ по головѣ. Солдатъ потерялъ сознаніе.

Когда онъ очнулся, брошенный въ полѣ, то замѣтилъ среди живыхъ и своего товарища рядового Рѣзниченко. Рѣзниченко приблизительно разсказалъ то же и добавилъ, что въ него сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ и нѣсколько ударовъ штыкомъ.

Оба нижнихъ чина были захвачены въ первомъ бою 13-го августа, а подняты нашими санитарами 15-го, послѣ того, какъ австрійскія позиціи были заняты нашими войсками. У Михаила Рѣзниченко простр҃лены оба бедра, пулевая рана лѣваго бока, пулевая рана лѣваго плеча, нѣсколько поверхностныхъ кожныхъ штыковыхъ ранъ. У Михаила Безухова пулевая рана нижней части живота, три штыковыя кожныя раны живота и штыковая рана лѣваго локтя. Оба тяжело ранены. Изъ остальныхъ ихъ товарищей, захваченныхъ австрійцами, никто не остался въ живыхъ».

Въ одной московской газетѣ «изъ разсказовъ раненыхъ» приводится слѣдующая печальная исторія:

«Рядовой А. попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ въ Бухавѣ 24-го августа. Онъ разсказываетъ, что австрійцы его, уже безоружнаго, кололи штыками и въ концѣ-концовъ стали на немъ пробовать русскій штыкъ. И теперь на солдатѣ можно видѣть слѣды девяти штыковыхъ ранъ на спинѣ и животѣ,

изъ которыхъ нѣкоторыя проходятъ черезъ весь животъ, другія же, видимо, въ полость живота не проникли, а прошли наискось черезъ брюшную стѣнку. Совсѣмъ ослабѣвшаго раненаго солдата раздѣли, и голый онъ былъ доставленъ въ австрійскій лазаретъ».

Корреспондентъ той же газеты пишетъ «съ австрійской границы»:

«Солдатъ раненъ въ ногу въ то время, когда пришлось ползкомъ отступать. Пуля прошла почти во всю длину ноги и раздробила кость. Когда онъ, уже раненый, почти безъ чувствъ, лежалъ, то проходившій мимо австрійскій солдатъ кольнулъ его въ бокъ штыкомъ. На счастье, штыкъ соскользнулъ по боку, и рана оказалась незначительной.

Другой солдатъ разсказываетъ, что и его хотѣлъ приколоть австріецъ, но былъ остановленъ австрійскимъ офицеромъ.

Одинъ подпоручикъ, раненый въ бокъ во время сраженія при дер. Гопке, разсказываетъ, что австрійскій солдатъ уже замахнулся на него штыкомъ, но былъ остановленъ офицеромъ. Спася подпоручика отъ смерти, офицеръ-венгерецъ оказался, однако, не совсѣмъ добросовѣстнымъ. Онъ обшарилъ всѣ карманы у подпоручика, забралъ у него деньги, бинокль и флягу съ термосомъ».

Въ другой московской газетѣ, со словъ рядового Рабенко, разсказывается, «что послѣ одного столкновенія въ окрестностяхъ Замостья онъ и нѣсколько другихъ раненыхъ остались на полѣ сраженія.

Наѣхавшіе венгерскіе гусары начали издѣваться надъ ними. Стрѣляли въ лежачихъ, постепенно обстрѣливая руки, ноги и, наконецъ, голову. Въ каждаго раненаго дано было болѣе пяти выстрѣловъ, съ расчетомъ убивать по возможности медленнѣе.

Нѣкоторые венгерцы, спѣшившись, привязывали часть раненыхъ къ деревьямъ и стрѣляли въ нихъ, какъ въ мишень.

Одинъ изъ венгерцевъ ножомъ разрѣзалъ раненому мускулы ногъ.

Подоспѣвшій казачій разъѣздъ спасъ раненыхъ.

У Рабенка шесть ранъ. Его разсказъ засвидѣтельствованъ другими ранеными».

Въ «Голосѣ Москвы» раненый офицеръ сообшаетъ: «Въ одномъ изъ боевъ при мнѣ былъ раненъ въ ногу поручикъ N-скаго полка Вансовичъ. Въ то время, когда онъ самъ себѣ перевязывалъ рану, къ нему подкрался сзади австрійскій офицеръ и всадилъ ему штыкъ между лопатками».

«12-го сентября, разсказываетъ одна газета,— среди другихъ доставленъ въ Петроградъ рядовой Яковъ Барковъ, тяжело раненый штыкомъ глубоко въ брюшную полость. Двѣ недѣли онъ находился между жизнью и смертью; теперь ему стало немного легче, и вотъ что разсказываетъ онъ:

— Участвовалъ въ бояхъ съ австрійцами и нѣмцами подъ Томашевымъ. 27-го августа вечеромъ наши штурмомъ взяли позицію непріятеля,

и къ ночи мы, всего нѣсколько человѣкъ, оказались въ одномъ изъ взятыхъ у австрійцевъ окопѣ, далеко въ сторонѣ отъ своей части. Ночью большой отрядъ окружилъ нашъ окопъ и взялъ насъ въ плѣнъ. Днемъ насъ стали допрашивать,—сколько войскъ у нашихъ, какіе полки.

Мы сказали—не знаемъ; тогда нѣмецкій солдатъ ткнулъ меня штыкомъ въ животъ и другихъ тоже штыками и саблями ранили, а одному руку отрубили за то, что мы ничего не сказали. Потомъ насъ, раненыхъ, били прикладами, заставляли итти, кто могъ—пошелъ, а кто упалъ. Я сперва шелъ, но потомъ въ глазахъ помутилось и я упалъ. Пришелъ въ себя, вижу—одинъ лежу въ полѣ, и силъ нѣтъ, и рана болитъ; такъ два дня лежалъ, пока нашъ санитаръ нашелъ меня».

Послѣ приведенныхъ нѣмецкихъ звѣствъ, для названія которыхъ мы даже затрудняемся подыскать соотвѣтствующее слово, нѣудивительно, что каждый день приноситъ извѣстія объ издѣвательствахъ пруссаковъ надъ нашими плѣнными и ранеными. То найдутъ повѣшеннаго казака, то приколотаго раненаго.

«Подъ С., пишетъ корреспондентъ «Н. В.», мнѣ пришлось собственными глазами видѣть добитаго нѣмцами солдата. Нашли его казаки. Видятъ, лежитъ нашъ среди непріятельскихъ труповъ.

— Братцы, — предложилъ сотникъ,—возьмемъ своего и похоронимъ съ честью.

Спѣшились два казака, осмотрѣли солдатика. Только на ногѣ легкая рана. Хотѣли поднять, но

когда одинъ изъ казаковъ дотронулся до головы, то почувствовалъ, будто шуршитъ что-то: подъ кожей шуршали осколки черепа.

Очевидно, ударомъ приклада размозжилъ злобный нѣмецъ голову несчастному раненому.

Стали внимательно казаки оглядывать своего. Открытый ротъ зіялъ пустотой,—языкъ былъ вырѣзанъ».

Прибывшіе въ Рязань раненые подтверждаютъ факты добиванія нѣмцами раненыхъ русскихъ воиновъ.

Находившійся въ городскомъ лазаретѣ полковникъ С. Хора самъ пострадалъ отъ варварства нѣмцевъ.

— Во время стычки съ нѣмцами русскіе должны были отступить, — разсказываетъ полковникъ Хора,—потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными. Явились нѣмцы, стали осматривать раненыхъ оставшихся на полѣ.

Тѣхъ, кто подавалъ признаки жизни стономъ или движеніями, нѣмцы добивали штыками или прикладами.

На глазахъ полковника было добито нѣсколько человѣкъ.

Къ самому полковнику Хора также подошелъ одинъ нѣмецкій солдатъ и три раза ударилъ его по головѣ прикладомъ ружья, причинивъ ему три разсѣченныхъ раны.

По счастью, удары были не сильны и онъ, очнувшись, отползъ въ кусты.

Вскорѣ подошли русскіе и оттѣснили нѣмцевъ.

Изъ города Риги одной газетѣ сообщаютъ:

«12-го сентября одинъ нашъ солдатъ былъ раненъ и въ безсознательномъ состоянiи остался на полѣ сраженiя.

Когда онъ очнулся, то кругомъ было тихо. Раненый хотѣлъ приподняться и въ этотъ моментъ замѣтилъ проходившаго вблизи нѣмецкаго офицера. Увидя его, офицеръ подошелъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ сказалъ: «Ты, русская собака, еще не издохъ за сутки?»

Выхвативъ револьверъ, офицеръ два раза выстрѣлилъ и ранилъ солдата въ правое плечо и бокъ.

Видя, однако, что онъ еще живъ, офицеръ схватилъ лежащую по близости винтовку и прикладомъ ударилъ раненаго по головѣ. Послѣ этого нашъ солдатъ впалъ въ безсознательное состоянiе. Его подобрали наши санитары. Положенiе раненаго тяжелое».

Прежде чѣмъ убить нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ воиновъ, нѣмцы порою подвергаютъ ихъ ужасамъ самыхъ мучительныхъ пытокъ.

Одинъ офицеръ, побывавшiй въ Пруссiи во время нашего перваго наступленiя, разсказываетъ:

«Я самъ видѣлъ своими глазами потрясающую картину. Несчастный солдатъ застылъ въ канавѣ въ сидячемъ положенiи со скрюченными, поднятыми вверхъ руками, съ выраженiеъ невмыносимой боли и ужаса на лицѣ. Во рту у него, словно онъ былъ взнузданъ, торчалъ револьверный шнуръ. Рубашка на груди разорвана и въ тѣлѣ зiяли четыре глубокiя раны, сдѣланныя, вѣроятно, но-

жомъ и притомъ такъ, словно выковыривали клочья мяса. Нижняя часть тѣла также обнажена, причемъ все окровавлено и искромсано.

Другого солдата нашли на хуторѣ, въ бесѣдкѣ. Ногти на рукахъ у него были вырваны. Кожа на обѣихъ рукахъ была завернута, какъ снятая перчатка, въ ухѣ зіяла огнестрѣльная рана».

О нѣмецкихъ пыткахъ разсказывалъ ефрейторъ К.:

Будучи раненымъ, ефрейторъ К. попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. «Пришли офицеры,—разсказываетъ онъ и начали меня допрашивать.

— Ты,—говорятъ,—русская свинья, съ нами шутки не шути, а говори всю правду... Сколько у васъ войскъ и кто командуетъ ими?

Я молчу.

— Говори, а то тебѣ плохо будетъ; пытать будемъ...

Помолился я мысленно и говорю:

— Я въ вашей власти,—пытайте, но я вамъ ничего не скажу.

Озлились они. Стали кричать на меня,—видно, ругаются по-своему. Досталъ одинъ солдатъ изъ кармана ножикъ складной, какимъ банки съ консервами открываютъ, и подходитъ ко мнѣ.

— Будешь говорить или нѣтъ?

Я молчу.

— Молчишь? Ну, ладно, сейчасъ ты заговоришь...

Отвязали они меня отъ колеса, сняли съ меня все какъ есть, и опять привязали...

— Послѣдній разъ говоримъ,—будешь отвѣчать, о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадитъ ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ стучитъ, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ,—бросили... Опять остался одинъ.

Между тѣмъ наступила ночь; я задремалъ. Проснулся подъ утро. Въ лагерѣ было тихо,—всѣ спали. Смотрю, и часовой мой спитъ. Запрыгало у меня сердце... Сталъ я Бога просить вызволить меня изъ бѣды...»

Собравъ послѣднія силы, несчастный, набросивъ на себѣ нѣмецкую шинель, выбрался изъ вражескаго стана и былъ подобранъ своими. При осмотрѣ ефрейтора К. оказалось, что все тѣло его было покрыто ранами. Это не были раны отъ ружейныхъ пуль, а что-то другое... Онъ весь былъ точно исколотъ...

О звѣрствѣ нѣмцевъ надъ раненымъ одной газетѣ сообщаютъ: «27-го августа капитаномъ Кондратюкомъ было приказано произвести развѣдку и занять деревню Думиче.

Въ числѣ развѣдчиковъ находился рядовой изъ села Бабушкина, Волынской губерніи, Николаенко.

Пробравшись къ непріятельскимъ окопамъ, послѣдній былъ раненъ и не могъ возвратиться къ своимъ. Когда черезъ день непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ, Николаенко былъ найденъ въ слѣдующемъ видѣ: уши, носъ и половые органы были разрѣзаны, на животѣ и груди найдено пятнадцать колотыхъ штыковыхъ ранъ.

При осмотрѣ трупа оказалось, что всѣ истязанія продѣланы надъ живымъ Николаенко.

Смерть послѣдовала отъ сильнаго кровоизліянія отъ штыковыхъ ранъ».

Корреспондентъ другой газеты о германскихъ звѣрствахъ пишетъ: «По дорогѣ отъ Августова въ дер. Барголово попался въ плѣнъ къ нѣмцамъ небольшой нашъ отрядъ, вмѣстѣ съ квартимейстеромъ. Окруживъ этотъ отрядъ, нѣмцы объявили нижнихъ чиновъ военноплѣнными и подъ конвоемъ отправили въ тылъ, а квартимейстера подергли тяжелымъ мукамъ: несчастному отрубили руки и ноги. Онъ скончался».

Еще два случая нѣмецкихъ издѣвательствъ надъ нашими ранеными приводитъ «Новое Время».

«У поручика Смирнова, пишетъ газета, попавшаго въ плѣнъ къ нѣмцамъ, они отрѣзали носъ. Когда Смирновъ лежалъ тяжело раненый на полянѣ, мимо него проходила нѣмецкая рота. Каждый нѣмецъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ Смирнову и ударить его или ногой или винтовкой. Нѣкоторые въ какомъ-то остервенѣніи или оцѣпенѣніи хватали поручика за носъ и трясли, скаля зубы. Одинъ изъ солдатъ не удовольствовался

этимъ и, выхвативъ тесакъ, отрубилъ поручику носъ.

У рядового Хатепсиса, послѣ его кратковременнаго плѣненія нѣмцами, оказался вырѣзаннымъ языкъ. Какимъ образомъ это произошло, Хатепсисъ не могъ разсказать».

Въ той же газетѣ офицеръ говоритъ о нѣмцахъ: «Раненые въ нашемъ полку офицеры Б. и Х. изуродованы ими. Въ сосѣднемъ съ нами полку изуродованъ молодой, только что выпущенный корнетъ. Уродуютъ, пользуясь каждой минутой».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ статьѣ «Война», г. М. Соколовскій передаетъ потрясающее душу извѣстіе: «Огненными строками, со всею силою пламеннаго возмущенія,—пишетъ г. Соколовскій,—хотѣлъ бы я передать разсказъ одного офицера о прибытіи въ Петроградъ четырехъ нашихъ солдатиковъ, побывавшихъ въ плѣну у нѣмцевъ и отпущенныхъ ими изъ плѣна послѣ того, какъ были вырѣзаны языки».

Нѣсколько офицеровъ (ротмистръ Ольховскій, ротмистръ Варунъ-Секретъ, штабсъ-ротмистръ Варунъ-Секретъ, штабсъ-ротмистръ Вощининъ, штабсъ-ротмистръ Дьяковъ, корнетъ Сулинъ, корнетъ Цехановскій, корнетъ Массино), въ редакцію «Новаго Времени» пишутъ: «13-го сентября пятаго эскадрона Гусарскаго полка рядовой Василій Толстошеевъ былъ раненъ и свалился съ лошади, сегодня утромъ онъ найденъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста боя въ страшно изуродованномъ видѣ (изрубленъ и исколотъ). Штабсъ-ротмистръ

Вощининъ, находясь на излеченіи въ Варшавѣ, лично видѣлъ казака, у котораго были отрѣзаны уши носъ, выколоты глаза и вырѣзанъ языкъ».

Въ той же газетѣ «Галичанинъ» пишетъ: «Я самъ видѣлъ русскаго солдата, которому мадьяры выкололи глаза и вырѣзали языкъ».

Объ ослѣпленномъ солдатѣ-пѣхотинцѣ пишетъ московская газета.

«Жуткое впечатлѣніе,—говоритъ газета,—производитъ этотъ солдатъ.

Молодой, красивый, съ свѣтлыми вьющимися волосами, онъ передвигается сейчасъ съ завязанными глазами при помощи проводника.

На вопросъ, какъ онъ былъ ослѣпленъ, несчастный объясняетъ, что вмѣстѣ съ группой охотниковъ онъ выпросился на развѣдку. Случайно онъ попалъ въ нѣмецкую засаду и былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда развѣдчика привели къ германскому офицеру, тотъ, даже не разспрашивая въ чемъ дѣло, распорядился:

— Онъ высматривалъ? Выколите ему глаза. Или посыпьте перцемъ...

Солдата отвели въ избу и тамъ предательски плеснули въ глаза какой-то жидкостью. Отъ нестерпимой боли солдатъ лишился чувствъ. Жидкость совершенно разъѣла глаза солдата; теперь онъ на всю жизнь слѣпой».

18-го августа одна изъ нашихъ кавалерійскихъ частей была окружена превосходными силами противника. Рѣшено было пробиться сквозь вражескія ряды во что бы то ни стало.

А. С. РЕЗАНОВЪ.

Во время этой отчаянной схватки командиръ части былъ смертельно раненъ. Къ нему тотчасъ же кинулись на помощь два солдата, вольноопредѣляющійся и корнетъ. Германцы оттѣснили эту маленькую горсточку людей отъ остальной, успѣвшей уже пробиться части. Когда черезъ нѣкоторое время отвѣтной контръ-атакой удалось отбить нѣмцевъ, глазамъ нашихъ солдатъ представилась слѣдующая ужасающая картина: корнетъ, раненый пулей въ грудь на-вылетъ, лежалъ, широко раскинувъ руки, весь израненный штыками, вмѣсто глазъ у него зіяли двѣ впадины, наполненныя кровью, одинъ изъ солдатъ также лежалъ съ высверленными штыкомъ глазами и былъ мертвъ, тѣло вольноопредѣляющагося сплошь было изрѣшетено штыками, а ноги въ колѣнныхъ суставахъ были подрѣзаны и болтались, какъ кровавыя тряпки. Второй солдатъ спасся отъ этой инквизиціи сравнительно благополучно,—его съ силой ударили прикладомъ въ лицо и бросили на землю.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется слѣдующій документъ съ новою силою рисующій подлую и безсмысленную жестокость нѣмцевъ.

«5-го октября подпоручикъ N. сибирскаго стрѣлковаго полка Тютиковъ, занявъ деревню Чарновъ, Варшавской губерніи и уѣзда, узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что тамъ зарыты развѣдчики, взятые нѣмцами въ плѣнъ и порубленные на куски, въ количествѣ одиннадцати человѣкъ.

Пожелавъ убѣдиться лично въ сообщенномъ фактѣ, онъ, разбросавъ землю, прикрывавшую

убитыхъ, увидѣлъ трупы, порубленные на части, при чемъ величина каждой была не болѣе четверти аршина. Судя по погонамъ и клейму, убитые принадлежали NN полку . . . роты».

Наконецъ, было установлено много случаемъ сжиганія нашихъ воиновъ.

По поводу этого рода варварства приведемъ слѣдующіе два факта.

Изъ Кіева «Новому Времени» сообщаютъ, что «въ районѣ села Погорѣльцы, въ Галиціи, наши войска натолкнулись на привязанный къ столбу трупъ пѣхотнаго солдата одного изъ бывшихъ въ этомъ районѣ нашихъ полковъ. Трупъ обгорѣлъ до пояса». А подъ Ивангородомъ въ плѣнъ къ венгерцамъ случайно попался барабанщикъ одного изъ бывшихъ тамъ нашихъ полковъ. Они, какъ звѣри разорвали его на куски: разрубили на части и сожгли на кострѣ. Случайно уцѣлѣвшая голова, по которой узнали несчастнаго, и остатки костей явились неопровержимыми доказательствами варварскихъ нравовъ мадьяръ. Нѣсколько разъ нѣмцы обливали нашихъ воиновъ керосиномъ и сжигали живыми.

Доставленный въ Одессу тяжело раненый офицеръ Чинтуловъ подтвердилъ лично корреспонденту той же газеты разсказы о звѣрскомъ обращеніи нѣмцевъ съ русскими плѣнными и ранеными.

По словамъ офицера, онъ съ отрядомъ изъ сорока гусаръ, наткнувшись на батальонъ пруссаковъ, былъ сбитъ съ лошади, раненъ и попалъ въ плѣнъ.

По доставленіи въ Радомъ, Чинтулова и трехъ солдатъ провели сквозь строй. Пруссаки безпощадно избивали русскихъ прикладами, наровя попасть по раненымъ мѣстамъ. Избіеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока нашъ офицеръ не потерялъ сознаніе. Тогда его отправили въ германскій госпитать. Въ госпиталѣ онъ терпѣлъ издѣвательства отъ раненыхъ нѣмцевъ. Въ плѣну нашъ офицеръ находился четыре дня и былъ освобожденъ своими, вступившими въ Радомъ.

Сверхъ того нѣкоторые офицеры и нижніе чины разсказываютъ, что нѣмцы провозятъ свою артилерію по полю, усѣянному нашими ранеными.

Совершаютъ нѣмцы свои звѣрства также и въ отношеніи нашихъ казаковъ, которыхъ они ненавидятъ и боятся.

«Гнусный у насъ противникъ,—пишетъ въ «Нов. Вр.» сотникъ К.—Не врагъ, а трусъ.

Для нѣмцевъ не существуетъ правилъ войны, они разсрѣливаютъ мирныхъ жителей, вѣшаютъ попавшихся въ плѣнъ. Особенно много безчеловѣчности проявляютъ нѣмцы по отношенію къ своимъ честнымъ противникамъ—казакамъ.

Проходя съ разъѣздомъ южнѣе Л., я наткнулся на двухъ повѣшенныхъ нѣмцами казаковъ. Одинъ изъ нихъ въ формѣ—былъ раненъ въ пахъ, другой—въ крестьянской одеждѣ—невредимъ. Я распросилъ мѣстныхъ жителей, и они мнѣ разсказали, что казаки отбились отъ разъѣзда. Раненый не могъ двигаться дальше, другой потерялъ коня и, желая спастись отъ плѣна, переодѣлся въ крестьянское

платье, остригъ волосы и спрятался подъ мостомъ.

Пріѣхалъ германскій кавалерійскій разъѣздъ и повѣсилъ раненаго. Второго нѣмцы разыскали по указаніямъ мѣстнаго жителя.

Мы сняли повѣшенныхъ казаковъ съ дерева и похоронили».

Въ Новочеркасскъ доставленъ слѣдующій документъ съ поля битвы.

ПРОТОКОЛЪ.

«1914 года 24-го сентября.

Мы, нижеподписавшіеся, составили сей протоколъ о слѣдующемъ: придя съ сотней въ дер. Яновку, Августовскаго уѣзда, Сувалкской губерніи, я отъ крестьянъ дер. Яновки Іосифа Иванова Божевича и Ивана Ивановича Божевича узналъ, что, когда нѣмцы заняли Августовъ, Рачки и Сувалки, то ими былъ пойманъ въ дер. Вроново, Августовскаго уѣзда, молодой русый донской казакъ. Пойманнаго казака привели въ гос. дв. Довспуда (возлѣ Рачекъ) къ генералу-лейтенанту (фамиліи его не знаютъ), который объявилъ казаку, что онъ будетъ повѣшенъ, и предложилъ ему выбрать любую придорожную липу. Казакъ, посмотрѣвши кругомъ, выбралъ болѣе сройную липу и бодро подошелъ къ ней. На этой липѣ генералъ и распорядился его повѣсить, приказавши не снимать трупъ, а если кто изъ жителей сниметъ, то тоже будетъ повѣшенъ. Казакъ провисѣлъ во-

семь дней, послѣ чего трупъ былъ снятъ и похороненъ возлѣ гос. дв. Довспуда.

Тѣ же крестьяне показали, что во время Августовскихъ боевъ былъ захваченъ нѣмцами еще одинъ казакъ и приведенъ въ дер. Топиловку, гдѣ его сначала угостили «кавой», папиросами, а потомъ вывели на дворъ и разстрѣляли. Трупъ этотъ былъ казаками найденъ съ массой штыковыхъ ранъ».

«Въ лѣсу,—разсказываетъ раненый офицеръ,—намъ пришлось однажды наблюдать ужасную картину: высоко на деревьяхъ были повѣшаны двадцать казаковъ, въ которымъ нѣмцы относятся съ ужасомъ и, если захватятъ, то подвергаютъ средневѣковымъ пыткамъ. Такъ, въ одной изъ деревень (кажется Сенъ-Джемсъ) насъ встрѣтила съ плачемъ старуха. Оказалось, что она была свидѣтельницей, какъ нѣмцы поступили съ пойманнымъ казакомъ. Ему отрубили руки по локти и затѣмъ сожгли живого. Обугленный трупъ былъ найденъ и, говорятъ, составленъ соотвѣтствующій актъ».

Другой раненый офицеръ говоритъ: «Въ Августовскомъ лѣсу мы нашли нашего казака. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ германцами и надъ нимъ поиздѣвались они: повѣсили за ноги на деревѣ и разстрѣляли».

По словамъ «Нов. Вр.», «отношеніе къ казакамъ со стороны нѣмцевъ самое возмутительное.

Въ дер. Саенки, близъ Августова нашли обгорѣвшій остовъ казака-урядника, котораго облили керосиномъ и живого сожгли. У взятыхъ въ плѣнъ и

раненыхъ вырѣзываютъ лампасы вмѣстѣ съ мясомъ».

О вырѣзанныхъ «лампасахъ» пишетъ также другая газета, а именно: «раненые разсказываютъ о звѣрствахъ, чинимыхъ австрійцами надъ ранеными казаками. Одному изъ раненыхъ казаковъ австрійцы «вырѣзали лампасы». На обѣихъ ногахъ у казака австрійцы срѣзали кожу, соотвѣтственно лампасамъ».

Офицеръ, участникъ боевъ въ Восточной Пруссіи, разсказывалъ, что отъ крестьянъ одной польской деревушки между Сувалками и Гродно онъ узналъ слѣдующую трагическую исторію.

«Они, пане, нѣмцы, здѣсь казака изжарили»,— говорили крестьяне.

Какъ выяснилось, нѣмцы напали ночью въ составѣ цѣлаго эскадрона на маленькій казачій разъѣздъ и захватили въ плѣнъ одного раненаго каза́ка и бросили его на костеръ, у котораго казаки грѣлись передъ стычкой. Когда нѣмцы удалились, крестьяне подобрали обуглившіеся останки казака и похоронили ихъ.

Офицеръ не повѣрилъ этому разсказу и приказалъ разрыть могилу, но дѣйствительно въ ней оказался сильно обуглившійся трупъ».

О сжиганіи нѣмцами казаковъ свои наблюденія передаетъ подпоручикъ В. А. Гоголевъ, который говоритъ: «Нѣмцы взяли въ плѣнъ раненаго казака. Избивъ его, они разложили костеръ и на медленномъ огнѣ сожгли его. Этотъ фактъ подтвердили жители деревни, очевидцы варварства

нѣмцевъ. При сжиганіи каказа присутствовали офицеры-нѣмцы, которые были пьяны».

Про «звѣрства прусскихъ палачей», разсказываетъ раненый прапорщикъ Ильинъ.

Этотъ офицеръ, во время одной развѣдки, натолкнулся на страшное зрѣлище.

На сучьяхъ деревьевъ раскачивалось нѣсколько повѣшенныхъ нашихъ казаковъ. Очевидно, они были повѣшены совершенно здоровыми, такъ какъ на ихъ трупахъ не было обнаружено ни одной раны. На казацкихъ гимнастеркахъ были пришиты бумажные ярлыки съ надписями на нѣмецкомъ языкѣ:

«Если кто сниметъ эту свинью, тотъ будетъ повѣшенъ самъ».

По словамъ того же офицера, наши казаки, попадая въ плѣнъ къ германцамъ, обыкновенно связываются и сжигаются на медленно горящемъ кострѣ. Нѣсколько такихъ фактовъ запротоколено высшими чинами дѣйствующей арміи путемъ обнаруженія обуглившихся труповъ, возлѣ которыхъ лежало казацкое платье, а также путемъ опроса мирныхъ жителей, бывшихъ свидѣтелями германскихъ звѣрствъ.

Далѣе, подъ Августовомъ, гдѣ нѣмцы бѣжали, кинувъ обозы и раненыхъ, нами было найдено шесть труповъ казаковъ съ отѣзанными ушами и выколотыми глазами.

Казакъ Челакшеевъ на развѣдкѣ исполнивъ свою задачу, безстрашно поѣхалъ впередъ и попалъ въ засаду нѣмцевъ. Его сняли съ коня. Хо-

хоть, издѣвательства. Наконецъ, по командѣ одного изъ солдатъ, казаку отрубили обѣ руки, почти у предплечья. Но этого мало. Казака сажаютъ на его же лошадь и отправляютъ обратно. Бѣдный казакъ, истекая кровью, ногами правилъ лошадью и добрался до своихъ.

Безсмысленная жестокость нѣмцевъ проявляется въ обстрѣливаніи ими мѣстъ расположенія учрежденій Краснаго Креста.

Особо уполномоченный Краснаго Креста А. И. Гучковъ въ началѣ сентября телеграфировалъ въ главное управленіе:

«Старшій врачъ докторъ Никитинъ просилъ меня сообщить, что имъ наблюдалось во время боевъ, въ которыхъ участвовала его дивизія, что нѣмецкая артиллерія усиленно направляла свой огонь противъ лазаретныхъ повозокъ, снабженныхъ флагомъ Краснаго Креста».

Предсѣдатель Гос. Думы М. В. Родзянко также удостовѣрилъ, что флагъ Краснаго Креста-который выставляютъ развертывающіеся перевязочные пункты на театрѣ военныхъ дѣйствій, притягиваетъ немедленно огонь непріятельскихъ орудій, вслѣдствіе чего во многихъ случаяхъ приходится работать безъ флага, что значительно затрудняетъ раненымъ разыскивать перевязочный пунктъ.

Сообщеній объ обстрѣливаніи нѣмцами госпиталей, лазаретовъ и санитарныхъ поѣздовъ, съ явно обозначенными признаками, присвоенными Красному Кресту, масса. На Вислѣ были об-

стрѣляны пароходы Краснаго Креста «Панъ-Тадеушъ» и «Комета».

Не довольствуясь обстрѣломъ учрежденій Краснаго Креста артиллеріей, австро-германцы забрасывали ихъ бомбами съ аэроплановъ, а также съ дирижаблей.

Слѣдуетъ замѣтить, что разбрасываніе бомбъ съ аэроплановъ и дирижаблей по городамъ и селеніямъ, не занятымъ русскими войсками, особенно широко практикуется въ настоящую войну нѣмцами, очевидно, съ единственной цѣлью причинить какъ можно больше страданій мирнымъ жителямъ и напугать ихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Муки нѣмецкаго плѣна.

Мы уже говорили, что австрійцы и германцы добиваютъ нашихъ раненыхъ и замучиваютъ живыхъ, попавшихся имъ въ руки, не отводя къ своему начальству. Если же непріятель уводитъ нашихъ воиновъ въ свою страну, то обращается съ ними жестоко, превращая плѣнъ въ сплошное мученіе и пытку. А между тѣмъ, окружая отдѣльныхъ нашихъ воиновъ большими силами, непріятель предлагаетъ сдаться, лживо обѣщая, что въ плѣну будетъ хорошее обращеніе. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда наши солдаты вѣрили нѣмцамъ и отдавались въ ихъ руки, нѣмцы издѣвались надъ плѣнниками, или предательски убивали попавшихся на ихъ обманъ.

Одинъ военный врачъ П. разсказываетъ именно такой случай. Небольшой казачій разъѣздъ изъ 8 человѣкъ во время развѣдки, не принявъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, перешелъ линію расположенія непріятельскихъ силъ и былъ окруженъ полуэскадрономъ нѣмецкихъ драгунъ.

Нѣмцы потребовали, чтобы казаки сдались, обѣщая обойтись съ ними, какъ съ военноплѣнными. Превосходившіе казаковъ во много разъ драгуны, плотнымъ кольцомъ окружили нашихъ молодцовъ. Изъ всего казачьяго разъѣзда только одному казаку, нѣсколько отставшему отъ своихъ, удалось незамѣченнымъ скрыться въ ближайшемъ лѣсу, откуда онъ могъ наблюдать за тѣмъ, что нѣмцы дѣлаютъ съ его товарищами.

Несмотря на свое обѣщаніе поступить съ казаками, какъ съ военноплѣнными, нѣмцы набросились на обезоруженныхъ казаковъ, связали ихъ, привязали къ деревьямъ и по очереди разстрѣляли. Командовавшаго казачьимъ разъѣздомъ есаула нѣмцы подвергли китайской казни, заставили его стать на колѣни и отрубили ему голову шашкой.

Вотъ еще случай нѣмецкаго вѣроломства.

14-го октября раненый смертельно офицеръ и 4 вернувшіеся ранеными изъ плѣна солдата разсказывали: офицеръ раненъ былъ въ ногу и при отступленіи роты попалъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ. Ему сдѣлали перевязку и приказали итти къ своимъ; едва онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, какъ за спиной его раздался залпъ изъ ружей, и онъ повалился раненый въ спину на вылетъ. При вторичномъ переходѣ нашемъ въ наступленіе онъ былъ поднятъ и, умирая, разсказалъ объ этомъ. То же повторили и 4 раненыхъ солдата. Взято ихъ было въ плѣнъ 8 человѣкъ, но нѣмцы приказали имъ вернуться назадъ въ свои части.

Обрадованные солдаты чуть не бѣгомъ пустились къ себѣ, какъ вслѣдъ имъ раздался залпъ и 4 изъ нихъ остались убитыми на мѣстѣ, а остальные, хотя и раненые, добрались къ своимъ.

Что ожидаетъ нашихъ воиновъ въ нѣмецкомъ плѣну, видно изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ изъ вражескаго стана, и разсказовъ освободившихся изъ нѣмецкаго плѣна нашихъ воиновъ. Одинъ нашъ офицеръ, находящійся въ германскомъ плѣну, пишетъ:

«Содержатъ насъ взаперти и выходить гулять позволяютъ только во дворъ казармъ, въ которыхъ насъ содержатъ въ заключеніи. Кормятъ плохо и зачастую такою дрянью, что въ ротъ взять противно. Относятся, какъ къ каторжникамъ.

Въ госпиталяхъ къ раненымъ относятся отвратительно, кричатъ и издѣваются не меньше, чѣмъ надъ здоровыми, кормятъ же хуже и никакого ухода, такъ что раненые стараются уходить, какъ только представится къ тому какая-либо возможность.

Нашихъ солдатъ здѣсь буквально не считаютъ людьми. Я лично видѣлъ, какъ нашихъ солдатъ били нагайками нѣмцы и разстрѣливали за нескорое исполненіе приказанія, повидимому, вслѣдствіе незнанія языка.

Особенно жестоко доставалось казакамъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ: ихъ раздѣвали донага и буквально истязали».

Эти слова нашего офицера подтверждаются другими свидѣтелями нѣмецкихъ звѣрствъ.

Такъ, вернувшійся изъ плѣна докторъ Денисовъ передаетъ ужасныя подробности объ обращеніи нѣмцевъ съ русскими. Нашихъ морятъ голодомъ, держатъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, почти подъ открытымъ небомъ. Предметы, имѣющіе малѣйшую цѣнность, отбираются; бывали случаи отбиранія необходимой одежды.

На каждомъ шагу грубыя ругательства, побои безъ малѣйшаго повода. Особенно возмутительно отношеніе къ русскимъ со стороны офицеровъ.

Для униженія плѣнныхъ, нѣмцы придумываютъ всевозможные способы. Напримѣръ, бѣжавшій изъ плѣна унтеръ-офицеръ Гвоздецкій сообщаетъ, что въ Кенигсбергѣ плѣнныхъ «каждый день водили по пять часовъ по всему городу и притомъ безъ всякой надобности, а просто, чтобы показать публикѣ. Во время такихъ прогулокъ насъ окружала толпа зѣвакъ, и каждый старался отпустить по нашему адресу нѣсколько колкостей. Кормили насъ очень скверно, два раза въ день; утромъ давали скверный кофе съ сухимъ хлѣбомъ, а вечеромъ нѣчто въ родѣ перловаго супа. Въ Кенигсбергѣ продержали насъ недѣлю, послѣ чего отправили въ Берлинъ. Тутъ помѣстили насъ сначала въ бывшихъ казармахъ, а затѣмъ перевели въ Тиргартенъ. На одной половинѣ размѣстили звѣрей, а на другой стали строить большіе деревянные бараки, куда и помѣстили насъ, а впослѣдствіи и другихъ русскихъ плѣнныхъ. Обращались съ нами нѣмцы болѣе, чѣмъ грубо

и звѣрски, и не разъ, получая пинокъ въ спину, мы со вздохомъ вспоминали о нашихъ ротахъ».

Военный врачъ А. П. Орловъ, взятый германцами въ плѣнъ и освободившійся затѣмъ какимъ-то путемъ изъ него, говоритъ:

«Отношеніе къ плѣннымъ со стороны нѣмцевъ варварское. Здоровыхъ плѣнныхъ отправляютъ на самыя тяжелыя работы. Плата, конечно, мизерная—20 пфениговъ въ сутки. Обращеніе невозможное. По городамъ ихъ ведутъ закованными въ цѣпи, причемъ для 3—4 человѣкъ одна цѣпь. Нѣкоторые въ кандалахъ. Плѣнный казакъ можетъ остаться въ живыхъ лишь благодаря случайности: разстрѣливаютъ всѣхъ безъ исключенія. Обстановка разстрѣла самая ужасная: безъ суда, просто приставятъ къ дереву или къ стѣнѣ и разстрѣливаютъ.

Проведенный въ Германіи мѣсяцъ прошелъ для меня,—говоритъ докторъ Орловъ,—ужаснымъ кошмаромъ. Видѣть всѣ эти издѣвательства надъ русскими плѣнными, быть безмолвнымъ свидѣтелемъ ужаснѣйшихъ страданій раненыхъ—непереносимо. Я былъ близокъ къ сумасшествію. Раненыхъ заставляютъ самихъ убирать комнаты. Служителей не даютъ, несмотря на требованія врачей. Кормятъ отвратительно. Ѣда состоитъ изъ какой-то грязной бурды, въ которой плаваютъ мелкіе кусочки какихъ-то странныхъ консервовъ. Хлѣба на каждаго раненаго, приблизительно, по полфунта на сутки. Кофе безъ сахару. Приносить что-либо или покупать строго

воспрещается. Палатки лазаретныя изъ холста. При болѣе или менѣе сильномъ вѣтрѣ въ палаткѣ поднимается такой свистъ сквозняковъ, что здоровый заболѣетъ».

Чтобы судить, чѣмъ кормятъ нѣмцы нашихъ плѣнныхъ, приведемъ объявленіе, напечатанное въ одной нѣмецкой газетѣ:

«Отбросы желтаго гороха, годные для военноплѣнныхъ, продаются по 5—6 пфенниговъ за фунтъ».

Русскіе военноплѣнные содержатся въ особыхъ лагеряхъ. Объ ужасахъ одного изъ нихъ, со словъ бельгійскаго сержанта, разсказываетъ докторъ Звягинцевъ, пробывшій три мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ.

По его словамъ, нижніе чины живутъ въ сырыхъ и холодныхъ землянкахъ, питаются самымъ невозможнымъ образомъ и еще хуже одѣваются. На каждые семь дней имъ выдаютъ на пропитаніе пять фунтовъ никуда негоднаго, стараго, черстваго, заплѣсневѣвшаго хлѣба, признаннаго совершенно негоднымъ для употребленія въ германской арміи. Утромъ, вмѣсто завтрака, имъ даютъ какое-то пойло, которое, по выраженію бельгійскаго сержанта, «въ Бельгіи не будетъ ѣсть ни одна свинья». На обѣдъ же даютъ ѣсть какое-то подобіе супа; мяса, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера ихъ заставляютъ работать по осушкѣ болотъ, рытью канавъ и т. д. При подобныхъ условіяхъ жить почти невозможно, и поэтому въ лагеряхъ свирѣпствуютъ болѣзни, и наблюдается высокая смертность, что

подтверждаютъ даже германскія газеты, по сообщеніямъ которыхъ, напримѣръ, въ Котбусѣ среди русскихъ плѣнныхъ свирѣпствуетъ эпидемія пятнистаго тифа. Число заболѣвшихъ нѣсколько сотъ, уходъ за больными легъ исключительно на плѣнныхъ русскихъ врачей подъ общимъ руководствомъ одного германскаго врача.

Полковой врачъ, докторъ В. С. П—ъ, вернувшійся изъ нѣмецкаго плѣна, сообщаетъ:

«Адъ начался съ боя подъ О.: я съ фельдшеромъ перевязывалъ раненыхъ на самыхъ позиціяхъ.

Наша партія плѣнныхъ состояла, помимо меня, изъ шести офицеровъ и десятковъ двухъ нижнихъ чиновъ. Подходитъ нѣмецкій офицеръ и, обращаясь къ нашему плѣнному офицеру на ты, кричитъ: «встань!»

Надо замѣтить, что офицеръ этотъ не могъ стоять: онъ былъ раненъ и отъ потери крови настолько сильно ослабѣлъ, что мнѣ пришлось поддерживать его. Раненый, возмущенный такимъ обращеніемъ, заявилъ нѣмцу, что онъ офицеръ.

— Ахъ, ты—офицеръ? Ахъ, ты...

И тутъ полился потокъ площадной брани. При этомъ грубый нѣмецъ не ограничился одной руганью. Онъ сталъ наносить раненому офицеру удары сначала шашкой, а потомъ и кулакомъ...

Нашихъ плѣнныхъ солдатъ зачастую выстраиваютъ въ рядъ и по порядку разстрѣливаютъ.

Всѣхъ насъ куда-то погнали. Гнали, какъ могли, несмотря на то, что среди насъ много раненыхъ. Холодно, дождь проливной. Останови-

лись гдѣ-то среди поля. Легли прямо въ холодную грязь. Въ шесть часовъ утра насъ погнали обратно подъ О., съ тою же скоростью, съ тѣми же оскорбленіями и побоями.

Въ О. меня и офицеровъ помѣстили въ костелъ, а нижніе чины расположились около костела и лежали въ грязи, подъ проливнымъ дождемъ, въ стужу и холодъ, раненые и здоровые.

Когда наши войска перешли въ наступленіе и стали тѣснить нѣмцевъ, насъ погнали въ Германію. Доѣхали до какой-то желѣзнодорожной станціи. Здѣсь меня высадили, а остальныхъ заперли въ вагонъ для перевозки скота. Какъ я потомъ узналъ, ихъ держали въ этомъ вагонѣ двое сутокъ, безъ воздуха, свѣта, пищи и питья...

Кормили насъ скверно: утромъ давали двѣ булочки, величиной каждая не болѣе спичечной коробки. Булка намазана маргариномъ. Чашка жидкаго кофе—вотъ и все. На обѣдъ давали неполную тарелку разведеннаго на кипяткѣ бульона «магги» съ одной-двумя полусырыми горошинами и однимъ кружкомъ моркови. Послѣ этого «жаркое»: два кусочка мяса, толщиной въ карандашъ, величиной въ спичечную коробку; крошечная порція картофеля. Къ обѣду подавалась одна булочка. Вечеромъ полагались два бутерброда съ колбасой: та же булочка, разрѣзанная пополамъ и намазанная свинымъ саломъ; сверху тоненькій ломтикъ колбасы.

Обычно послѣ нѣмецкаго обѣда чувствовался голодъ уже черезъ 30—35 м. Купить ничего нельзя

было, такъ какъ не было денегъ, да и продукты страшно дороги.

Гуляли мы на пространствѣ не болѣе 75 кв. саженъ, а насъ было 100 человѣкъ. Ругань на каждомъ шагу, оскорбленія, побои. Въ 10 час. вечера мы обязаны были гасить огонь. Если опаздывали, то въ окнѣ показывалась физіономія часового, который, грозя кулакомъ, оралъ:

— Вы (такіе-сякіе), гасите огонь или я васъ перестрѣляю, какъ собакъ.

Холодъ въ казармахъ былъ настолько сильный, что мы спали, прижавшись другъ къ другу. Помѣщеніе было невѣроятно сырое, а для отопленія одна тарелка каменнаго угля.

Вотъ еще подробность: когда приводятъ въ какой-нибудь нѣмецкій городъ плѣнныхъ, то стараются, чтобы это выпало на праздничный день, когда на улицахъ много гуляющей публики. Тогда весь нѣмецкій сбродъ плюетъ въ плѣнныхъ, ругаетъ площадными словами, раздаются свистки».

Въ нѣкоторыхъ газетахъ были приведены слѣдующія свѣдѣнія объ отношеніяхъ нѣмцевъ къ нашимъ военноплѣннымъ:

Бѣжавшій изъ плѣна 8-го ноября изъ окрестностей Лютомерска унтеръ-офицеръ Матвѣй Малинкинъ пробылъ въ плѣну три дня вмѣстѣ съ двумя офицерами и 30-ю нижними чинами, большею частью ранеными. По разсказу Малинкина, нѣмцы обращались съ ними крайне жестоко. Сняли со всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ шинели и сапоги. Раненыхъ за то, что

они не хотѣли отдать свои шинели, били кулаками, прикладами и силой срывали съ нихъ одежду. Плѣнныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ запирали въ сараяхъ и не кормили всѣ три дня. При отступленіи своихъ войскъ, заставляли нести разныя тяжести и били прикладами и кулаками.

9-го октября, будучи на линіи желѣзной дороги у дер. Пясечна, подпоручикъ Столяренко былъ позванъ двумя офицерами автомобильной роты, чтобы быть свидѣтелемъ и донести по начальству о нижеслѣдующемъ:

«Въ дер. Хиличкахъ, среди бывшаго мѣсторасположенія противника, офицерами былъ обнаруженъ трупъ, голова и туловище котораго обуглились, а нижняя часть ногъ со связывающей ихъ веревкой осталась цѣла.

По клокамъ мундира и шинели, уцѣлѣвшимъ на животѣ, можно безошибочно утверждать, что трупъ принадлежитъ нашему нижнему чину. Подъ трупомъ сохранились остатки костра и большое количество гильзъ съ разорвавшимися капсулями. Въ тѣлѣ, подъ истлѣвшими остатками одежды, усмотрѣно нѣсколько застрявшихъ пуль.

По указанной обстановкѣ можно представить себѣ слѣдующую картину:

Одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ нашихъ стрѣлковъ былъ связанъ и положенъ живымъ на костеръ съ патронами и, такимъ образомъ, замученъ. Тутъ же, у тѣла, лежатъ металлическія части (деревянныя сгорѣли) винтовки № 123859 и предметы снаряженія нашего стрѣлка, также истлѣвшіе».

«Послѣ упорной, неравной борьбы у озера К.,—разсказываетъ солдатъ, освобожденный войсками изъ плѣна,—одна изъ нашихъ ротъ была окружена.

Плѣнныхъ пригнали въ деревню А. и помѣстили въ большомъ сараѣ. Плѣнные не имѣли ни хлѣба, ни воды. Тяжело раненые лежали у стѣнокъ сарая; легко раненые и слабые стояли плотно другъ къ другу, такъ какъ въ тѣснотѣ не было возможности ни присѣсть, ни лечь. Такъ прошелъ день. Вечеромъ вблизи все время была слышна перестрѣлка. Нѣмцы были чѣмъ-то встревожены; часто забѣгали въ сарай и осматривали стѣны и углы сарая. Въ отвѣтъ на всѣ наши просьбы дать хоть воды, кололи штыками. Когда же начало темнѣть, нашъ сарай заперли. Мы не спали. Измученные, голодные, ждали голодной смерти. Ночную тишину нарушали наши стоны, смѣхъ враговъ и стукъ колесъ. Въ щели сарая мы увидѣли, что во дворѣ устанавливались пулеметы. Смѣхъ и крикъ враговъ не умолкали. Вдругъ мы увидѣли, что пулеметы направляютъ на нашъ сарай. Ужасъ охватилъ меня и товарищей. Я закричалъ. Но тотчасъ же раздалась стрѣльба. Пули съ трескомъ рѣшетили нашъ сарай, и минутъ черезъ шесть изъ насъ остались трое едва живыхъ. Вскорѣ мои товарищи умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Нѣмцы со смѣхомъ разстрѣливали насъ и кончили стрѣльбу, когда изъ сарая уже не было слышно ни одного стона. Я лежалъ въ серединѣ труповъ и притворился мертвымъ. Утромъ я услы-

халъ, какъ во дворѣ поднялась паника, какъ нѣмцы кричали, бѣгали. Потомъ все стихло... и громкое русское «ура» охватило деревню... Я былъ спасенъ».

Еще одинъ солдатъ, освобожденный нашимъ разъѣздомъ, разсказалъ офицеру о тѣхъ звѣрствахъ, которыя онъ перенесъ, находясь во власти нѣмцевъ.

По разсказу солдата, вполнѣ соотвѣтствующему характеру поранений на его тѣлѣ, нѣмцы, захвативъ его, раненаго, и привязавъ руки къ двумъ деревьямъ, начали надъ нимъ издѣваться, подкалывая его штыками. На тѣлѣ его обнаружено 40 ранъ, но не глубокихъ, такъ какъ на немъ были надѣты шинель и полушубокъ.

Въ редакціи «Новое Время» получена, офиціально засвидѣтельствованная высшими чинами арміи, корреспонденція о новыхъ доказательствахъ варварства нѣмцевъ.

«Съ каждымъ днемъ поступаютъ все новыя свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій о безчеловѣчномъ отношеніи германцевъ къ плѣннымъ и раненымъ нашимъ героямъ; вотъ три факта, которые указываютъ, что наши враги лишены не только сердца, но и самой простой человѣческой порядочности.

27 сентября минувшаго года русскій отрядъ подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника вынужденъ былъ очистить городъ Г., гдѣ съ нашими ранеными осталось нѣсколько врачей; германцы тотчасъ же арестовали ихъ и, отобравъ

лошадей, повели пѣшкомъ вмѣстѣ съ нашими солдатами; пройдя такимъ образомъ 25 верстъ, ихъ заперли на ночь въ конюшню, гдѣ было настолько тѣсно, что негдѣ было даже сѣсть, не рискуя попасть подъ копыта стоявшихъ тутъ же лошадей.

На слѣдующій день имъ дали по стакану какой-то жидкости, которую называли кофе, безъ сахара и хлѣба и опять цѣлый день вели пѣшкомъ. Вечеромъ пришли обратно въ Г., гдѣ заставили ухаживать за нашими ранеными солдатами. На разсвѣтѣ дружнымъ натискомъ наши войска оттѣснили германцевъ, заняли Г. и освободили плѣнниковъ.

Второй случай произошелъ 5 ноября. Раненый поручикъ В. К. былъ подобранъ германскими санитарами, перевязанъ и доставленъ на германскій передовой перевязочный пунктъ. Германскій врачъ не подумалъ оказать помощь раненому русскому офицеру, а въ порывѣ озлобленія потрясалъ обнаженной шашкой передъ лицомъ раненаго, терпѣливо переносившаго всѣ мученія. Уходя, не осмотрѣвъ раны поручика В. К., германскій врачъ ударилъ его два раза шашкой по спинѣ; къ счастью, наши войска заняли этотъ пунктъ и освободили несчастнаго поручика.

Третій фактъ своей жестокостью превзошелъ всѣ остальные: того же 5 ноября рядовой N... пѣхотнаго полка П. К., раненый шрапнелью навылетъ въ правое бедро, былъ подобранъ германцами и доставленъ на перевязочный пунктъ.

Страдая отъ боли и жажды, онъ просилъ помощи, но получилъ лишь одно обѣщаніе; въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, неперевязанный, оставался нашъ воинъ до 7 часовъ утра слѣдующаго дня, когда одинъ изъ врачей подошелъ къ нему и сдѣлалъ, наконецъ, довольно своеобразную перевязку; въ открытую рану вставилъ изогнутый по дугѣ кусокъ желѣза длиною около 10, шириною 1½ сантиметра, затампонировалъ этотъ дренажъ съ обѣихъ сторонъ грязной тряпкой и, отобравъ отъ раненаго индивидуальный пакетъ, ушелъ.

Утромъ 8 ноября деревня, гдѣ лежалъ раненый П. К., была занята нашими войсками и врачи перемѣнили ему эту необыкновенную повязку.

Вынутый изъ раны кусокъ желѣза хранится у старшаго врача N... пѣхотнаго полка, какъ вещественное доказательство».

О гнусномъ обращеніи нѣмцевъ съ ранеными разсказываютъ многіе очевидцы. Нѣтъ въ нашемъ противникѣ ни жалости, ни благородства. Ни стоны, ни просьбы раненыхъ о помощи не трогаютъ сердца нѣмцевъ, болѣе похожихъ на звѣрей, нежели на людей. Вотъ что передавалъ г. Немировичу-Данченко одинъ штабъ-ротмистръ, бѣжавшій изъ нѣмецкаго плѣна. Во главѣ дозора въ 35 драгунъ, штабъ-ротмистръ остановился на ночлегъ въ одномъ фольваркѣ, близъ Лодзи. Ночью на сонныхъ драгунъ напалъ полкъ нѣмцевъ и, не давъ имъ возможности защищаться, забралъ всѣхъ въ плѣнъ.

«Привели насъ,—говоритъ штабсъ-ротмистръ,—въ костелъ. Тамъ нашихъ человѣкъ шестьсотъ, большею частью раненыхъ. Въ темнотѣ едва отличаешь теряющіяся вверху колонны. Кое-гдѣ блеснетъ спичка и погаснетъ. Слышны стоны. Разспрашиваю. Здѣсь есть одинъ нашъ генералъ. Другого они убили. Два русскихъ доктора и три фельдшера. Нашли какіе-то огарки,—перевязываютъ спѣшно, въ-сухую. Раненые стонутъ... Со всѣхъ сторонъ: «Воды, воды!». А воды не допроситься. Куда ни сунешься за нею,—часовые нѣмецкіе прикладами обратно. Думаю: какая разница съ нашимъ обращеніемъ съ плѣнными. У насъ первымъ дѣломъ ихъ кормятъ и поятъ, а раненыхъ, случается, перевязываютъ раньше своихъ.

Сталъ я обшаривать костелъ. Думаю: ни за что въ плѣну не останусь, уйду! Влѣзъ на каоедру. Потомъ подъ престолъ,—тамъ нельзя ли между досками отлежаться,—голодный далеко не уйдешь! Никуда не влѣзть: весь костелъ—какъ открытая ладонь, не спрячешься! Легъ. Ночью приводили еще нашихъ раненыхъ. Утромъ насъ, офицеровъ, вызвали впередъ, выстроили: остальныхъ... Повели по лощинамъ. Вторую ночь провели въ томъ же костелѣ. Ни подстилки, ни соломы для раненыхъ. Истекаютъ кровью, молятъ воды,—воды не даютъ. Перевязали опять насухо. Офицеровъ отдѣлили. Повели насъ кормить: дали каждому по три ложечки ячменной болтушки. Мясо мы видѣли издали,—намъ его не удалось и попробовать,—а позади:

— Воды, воды... Умираемъ!

Вмѣсто воды, съ новыхъ раненыхъ нѣмцы грубо стаскиваютъ сапоги, снимаютъ шинели. Сопротивляющихся бьютъ. Я къ офицеру:

— Знаете, лейтенантъ, это позоръ для арміи!

Покраснѣлъ. Крикнулъ на унтеръ-офицера. Оставили. А съ другой стороны, смотрю, подходитъ солдатъ и срѣзываетъ ножомъ съ нашего поручика погоны.

Другой нѣмецъ силою рветъ съ капитана погоны. Солдатъ обшариваютъ. Отнимаютъ у нихъ деньги. (По разсказамъ другихъ, сдергивали съ шеи кресты. Мѣдные возвращали, серебряные оставляли у себя). Не брезгаютъ и мелочью, грабятъ табакъ.

Я опять обхожу своихъ.

— Братцы, бѣжимъ.

— Наши близко...

— А раненые?.. Раненыхъ много.

Легъ подъ ступеньку у престола. Было два часа ночи. Ѣсть хотѣлось. Во весь день этотъ на всѣхъ принесли полведерка картофеля. Утромъ нѣмцы начали отступать. Насъ вывели. Тяжело раненыхъ оставили.

Командуютъ:

— Здоровые и легко раненые, маршъ! Кто отстанетъ, того приколютъ. Кто притворится тяжело раненымъ, того разстрѣляютъ.

Подхожу къ офицеру.

— Разрѣшите на перевязку.

Нѣмцы отступаютъ. Иду въ госпиталь, при-

храмывая, мимо часового. Приваливаюсь къ раненому офицеру. На полу, около, лужи крови. Я въ нихъ головою. Весь измазался. Подходятъ ихъ врачи. Одного за другимъ разспрашиваютъ. Я замѣтилъ: не перевязываютъ никого, хотя многіе истекаютъ кровью. У нѣкоторыхъ разбитыя осколками снарядовъ челюсти. У двухъ такія висятъ. Страшно смотрѣть. Раскроенные черепа. Четыре дня не пили. Добрая половина заброшенныхъ раненыхъ уже поражена гангреной. Врачи добрались до меня.

— Куда ранены?

— Въ животъ.

И смотрѣть не стали. Равнодушно отошли».

Ночью, штабсъ-ротмистръ, выбравъ удобную минуту, бѣжалъ къ своимъ.

Вотъ какъ обращается нашъ подлый врагъ съ попавшими въ его руки воинами. Конечно, всякій храбрый, честный и доблестный солдатъ предпочтетъ пасть смертью героя на полѣ битвы, чѣмъ отдаться живымъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, гдѣ его ждутъ мученія, истязанія, униженія, холодъ и голодъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нѣмецкія звѣрства въ русскихъ земляхъ.

Наши доблестныя войска, остановивъ вторженіе непріятеля, спасли тѣмъ тысячи жизней мирнымъ русскимъ людямъ и защитили честь своихъ женъ и дочерей.

Германцы и австро-венгры, вторгаясь въ предѣлы нашей родины, грабили и оскверняли храмы, убивали стариковъ, больныхъ и дѣтей, насиловали женщинъ и дѣвушекъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что въ храмахъ нашъ непріятель осквернялъ священные предметы, онъ вводилъ въ нихъ лошадей, обращая въ конюшни. Вотъ, что разсказываютъ о святотатствѣ непріятеля.

Напримѣръ, по полученному въ Святѣйшемъ Синодѣ офиціальному донесенію, во время пребыванія нѣмцевъ въ Радомѣ мѣстная гимназическая церковь подверглась большому поруганію и сильно пострадала. По всей церкви разбросана солома—слѣды ночлега нѣмцевъ, царскія врата и ящики открыты, и замки взломаны, около свѣчного ящика

лежитъ груда какихъ-то бумагъ, около комода лежатъ въ кучѣ и безпорядкѣ воздухи и облаченія, плащаница въ церкви помята, отъ иконы Спасителя металлическій вѣнчикъ оторванъ, на солеѣ лежитъ камилавка, на св. престолѣ у Евангелія оправа испорчена, а около Евангелія лежитъ футляръ изъ-подъ камилавки, дарохранительница носитъ слѣды нѣмецкаго осмотра, такъ какъ футляръ сдвинутъ, дароносица поломана, кружки всѣ взломаны, шкафы въ ризницѣ всѣ вскрыты. Съ церкви, послѣ ухода нѣмцевъ, сняты фотографическіе снимки, увѣковѣчившіе слѣды пребыванія здѣсь непріятеля. Также подверглась поруганію и мѣстная полковая церковь.

Архіепископомъ варшавскимъ Николаемъ представлено въ Св. Синодъ донесеніе настоятеля Николаевской вильковишкинской церкви о разгромѣ названной церкви нѣмецкими войсками во время пребыванія ихъ въ Вильковишкахъ. Отецъ настоятель въ своемъ донесеніи сообщаетъ, что при осмотрѣ церкви оказалось, что наружная входная дубовая дверь и вторая рѣшетчатая были проломлены. Въ алтарной части выбиты и прострѣлены восемь стеколъ пулями и шрапнелью, осколки которой были найдены на полу. Въ средней части храма оказались валяющимися на полу окурки сигаръ.

Вообще говоря, религіозныя чувства мѣстнаго населенія безцеремонно оскорбляются австро-германскими арміями. Напримѣръ, въ одной изъ деревень Новорадомскаго уѣзда (гмина Гидле)

германская кавалерія помѣстилась въ костелѣ вмѣстѣ съ лошадьми.

Послѣ ухода пруссаковъ изъ Радома въ алтарѣ, на престолѣ и около него стояли пустыя бутылки изъ-подъ водки, завѣса при царскихъ вратахъ была подвязана фестонами, иконы порублены и поломаны.

Полковой священникъ о. Николай Луговской донесъ протопресвитеру военнаго духовенства, что по очищеніи врагами Сувалокъ онъ отправился осмотрѣть полковую церковь, причемъ оказалось:

«Всѣ двери въ храмѣ открыты со взломомъ. Въ церкви была устроена конюшня, что ясно видно по оставленной грязи и конскому помету, а также и по крюкамъ съ кольцами, ввинченными въ стѣну. Въ алтарѣ валялись пустыя бутылки изъ-подъ вина, а послѣ оргіи полъ былъ кругомъ загаженъ. На святомъ престолѣ лежали всевозможныя тряпки, ломаные церковные кресты и сломаные вѣнчальные вѣнцы; на престолѣ видны слѣды отъ разлитаго вина.

Ризница опустошена. Изъ оставшихся ризъ непріятель сдѣлалъ попоны для своихъ лошадей. Священные одѣяніе съ престола сорвано. Церковные подсвѣчники расхищены».

Другой священникъ, вернувшійся изъ плѣна, Іоаннъ Соколовъ, доноситъ протопресвитеру, что нѣмецкіе солдаты, вырвавъ изъ рукъ другого плѣннаго нашего священника святой крестъ и дароносицу, бросили ихъ на землю и просыпали

по дорогѣ Святые Дары. Помимо этого, офицеръ Т. сообщилъ протопресвитеру, что въ Кальваріи нѣмцы бросили въ отхожее мѣсто святой крестъ, евангеліе и святые сосуды, чашу и дискосъ.

Также позорно вели себя нѣмцы и въ Маріамполѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ «Нов. Вр.», они «побывали въ церкви, взломавъ двери. Сломали свѣчной ящикъ и утащили всѣ восковыя свѣчи. Облаченіе священника рубили шашками. Съ престола покидали на полъ всѣ священные сосуды, обративъ его въ обѣденный столъ. На претолѣ осталась еще скорлупа отъ яицъ. Подъ престоломъ валялись грязные носки».

Еще болѣе гнустно, чѣмъ было разсказано выше, поступили нѣмцы въ Ченстоховскомъ Ясногорскомъ монастырѣ, въ которомъ хранится почитаемая всѣмъ христіанскимъ міромъ чудотворная икона Божіей Матери. Войдя въ монастырь, штабъ нѣмецкихъ войскъ занялъ въ немъ всѣ помѣщенія, выгнавъ монаховъ изъ келій. Затѣмъ началось хозяйничанье.

«Монастырская касса Ясногорскаго монастыря была ограблена нѣмцами, захватившими изъ нея около полумилліона рублей.

Всѣ драгоцѣнности, принесенныя вѣрующими для украшенія чудотворнаго образа, были также похищены.

Вечеромъ прусскіе «герои» обратили вниманіе на монастырскій погребъ, въ которомъ хранились старыя вина, предназначенныя на случай посѣщенія монастыря высокими особами.

Въ кутежѣ принимали участіе и офицеры и нижніе чины.

Когда нѣмцы перепились, то по распоряженію офицеровъ изъ города въ монастырь было доставлено нѣсколько молодыхъ полекъ, принадлежащихъ къ мѣстному высшему обществу.

Началась возмутительная оргія.

Для того, что усугубить издѣвательство, германскій начальникъ распорядился привести въ залъ заложниковъ, т. е. представителей города и духовенство, вышедшихъ встрѣчать нѣмцевъ.

Ихъ выстроили около стѣны и приказали наблюдать за всей послѣдующей возмутительной и ужасной сценой.

Надругательство надъ женщинами было публичнымъ.

Въ заключеніе нѣмцы тутъ же разстрѣляли двухъ поляковъ».

Той же «оргіи въ Ясногорскомъ монастырѣ» посвященъ разсказъ Елены С., дѣвушки лѣтъ 19—20, пріѣхавшей изъ Ченстохова въ Петроградъ.

Вотъ, что она разсказываетъ:

«Первые нѣмецкіе отряды вошли въ городъ около трехъ часовъ утра и расположились бивуакомъ возлѣ монастыря. Сначала солдаты вели себя довольно мирно, но вскорѣ не было ни одного дома, откуда не раздавалась бы пьяная солдатская ругань. На улицахъ солдаты ловили и цѣловали женщинъ и подъ видомъ обысковъ позво-

ляли себѣ грубости. Однако, населеніе сносило все это молча, ибо у всѣхъ еще теплилась надежда, что святыня осквернена не будетъ.

Около восьми часовъ вечера нѣсколько офицеровъ въ сопровожденіи солдатъ стали обходить дома и собирать женщинъ, якобы, для какихъ-то работъ и уборки помѣщеній монастыря. Старались выбирать наиболѣе молодыхъ и красивыхъ. Не подозрѣвая гнуснаго замысла, никто противъ этого не возражалъ. Находились даже такія дѣвушки изъ хорошихъ домовъ, которыя сами вызывались итти, чтобы потрудиться въ чтимой обители.

Въ числѣ другихъ вызвана была и я.

Насъ разбили по партіямъ, по десяти человѣкъ въ каждой. Первая партія женщинъ, въ которой была моя мать, отправилась немедленно, черезъ два часа—вторая, и около часу ночи отправилась послѣдняя партія, въ которой была и я.

Насъ привели въ довольно обширную келью и велѣли здѣсь обождать. Черезъ полчаса солдаты вкатили боченокъ вина и принесли стаканы. Вошелъ офицеръ и на ломаномъ польскомъ языкѣ сказалъ:

— Вамъ предстоитъ трудная работа, а потому вамъ необходимо подкрѣпить свои силы.

Сказавъ это, онъ разсмѣялся и грубо ущипнулъ одну изъ дѣвушекъ.

Стали разливать вино въ стаканы. Пить заставляли насильно. Когда я наотрѣзъ отказалась выпить предложенный мнѣ стаканъ, то по знаку офи-

цера на меня набросились два солдата, схватили меня за руки и запрокинули голову назадъ, а третій насильно влилъ мнѣ въ ротъ вино.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ вину что-то подмѣшали, такъ какъ всѣ женщины, выпившія вино, стали жаловаться на сильное головокруженіе.

Послѣ этого насъ, то по-одиночкѣ, то попарно, стали выводить изъ келій.

Когда очередь дошла до меня, то я хотѣла было оказать сопротивленіе, но солдаты схватили меня подъ руки и поволокли по коридору. Я потеряла сознаніе...

Когда на другой день утромъ я добрела домой, я застала свою мать на постели въ глубокомъ обморокѣ. Я нѣсколько разъ приводила ее въ чувство, и она каждый разъ снова впадала въ глубокій обморокъ... Надъ ней надругались такъ же, какъ надо мной...».

Уводя плѣнныхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, австро-германцы издѣвались надъ стариками и дѣтьми, а женщинъ поголовно насиловали.

Корреспондентъ одной газеты, проѣхавшій по окрестностямъ Люблина, пишетъ, что крестьяне, съ которыми онъ говорилъ, съ ужасомъ разсказывали о неистовствахъ австрійцевъ: всѣ жаловались на тѣ насилія, которыя чинились австрійцами надъ женщинами.

«Женская повинность» была возведена у австрійцевъ чуть ли не въ систему. Офицеры прямо приказывали: привести въ такую-то часть войска

столько-то женщинъ. Не исполнить подобнаго приказа было невозможно: за ослушаніе полагался разстрѣлъ.

Дѣйствительно, сотрудники газетъ, посѣтившіе лично мѣста, очищенныя отъ австро-германскихъ негодяевъ, всѣ въ одинъ голосъ твердятъ: «нѣмцы и мадьяры насилуютъ женщинъ».

Приведемъ нѣсколько фактовъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Напримѣръ, изъ Калинкауцъ (село близъ Новоселицъ) австрійцы подъ конвоемъ отвели въ лагерь пятьдесятъ женщинъ и дѣвушекъ.

Одна газета пишетъ: «Дѣвушекъ по ночамъ разбираютъ нѣмецкіе солдаты по палаткамъ и тамъ ихъ насилуютъ. Среди забранныхъ дѣвушекъ и женщинъ смертность огромная. Ихъ тутъ же, вблизи окоповъ, велятъ хоронить роднымъ.

Нѣсколько помѣшавшихся отъ страха женщинъ и мужчинъ нѣмцы звѣрски убили. Доходитъ до того, что плѣннымъ даютъ ружья и приказываютъ разстрѣливать своихъ провинившихся собратьевъ, женъ, сыновей, дочерей».

«Гол. М.» говоритъ: «Женщинъ и дѣвицъ, работающихъ при сооруженіи окоповъ, нѣмецкіе (пруссаки) солдаты насилуютъ».

«Бирж. Вѣд.» также утверждаютъ, что «дѣвушекъ и женщинъ болѣе молодого возраста нѣмцы берутъ на ночь въ свои палатки».

Другая газета сообщаетъ: «При занятіи мѣстностей въ Лащовѣ, все женское населеніе было изнасиловано австрійцами; почти во всякомъ селѣ

есть умирающія изъ-за этого женщины и дѣвушки. Не стѣснялись матерей, которыя цѣловали руки насильникамъ, прося пощадить ихъ часто малолѣтнихъ дѣтей,—ничто не помогало. Вѣшали за малѣйшее сопротивленіе, часто происходящее отъ непониманія языка. Въ этихъ звѣрствахъ особою жестокостью отличались мадьяры и «соколы».

Примѣръ невѣроятнаго варварства сообщилъ сотруднику «Новаго Времени» сельскій священникъ изъ Холмщины.

«Около села Долгобычева,—разсказываетъ священникъ,—весь день шелъ бой. Ночью же австрійцы вошли въ село и начались насилія. У одного крестьянина была шестнадцатилѣтняя дочь. Почти весь взводъ совершилъ надъ ней насиліе. Отецъ бросился на-земь, цѣловалъ имъ сапоги, прося: «Убейте меня, не трогайте только ее». Но ничто не помогло. Мадьяры убили крестьянина, и надъ дѣвушкой совершили гнусное насиліе до полнаго обморока. Бѣдную дѣвушку, впавшую въ обморочное состояніе, двое держали за руки, двое за ноги на воздухѣ и насиловали. Когда другія женщины увидѣли эти издѣвательства, на нихъ напалъ паническій страхъ. Женщины бросились ко мнѣ, прося, чтобы я ихъ заперъ въ церкви».

Въ Судоргахъ, Ковенской губ., пьяные нѣмцы потребовали къ себѣ женщинъ и дѣвушекъ, но крестьяне наотрѣзъ отказались исполнить этотъ приказъ, не убоявшись угрозъ. Тогда пьяная орда нѣмцевъ начала обходить крестьянскія хаты и на глазахъ мужчинъ совершала насилія надъ

женщинами, дѣвушками и даже подростками. Мужчинъ въ это время охраняли вооруженные солдаты.

Австро-германскимъ подлецамъ недостаточно было насиловать женщинъ. Нѣтъ, ихъ скотская натура требовала еще издѣвательствъ надъ предсмертными муками несчастныхъ жертвъ, требовала еще упиться кровью избиваемыхъ младенцевъ.

Уходя подъ давленіемъ русскихъ войскъ, по словамъ члена Гос. Думы г. Наконечнаго, разсвирѣпѣвшіе австрійцы бросали людей въ пылающіе дома. Было много случаевъ, когда солдаты подхватывали на штыки дѣтей и бросали ихъ въ огонь. Постоянно совершались насилія надъ женщинами, подвергавшимися самымъ возмутительнымъ издѣвательствамъ. У нѣкоторыхъ отрѣзаны груди.

Сообщенія о женщинахъ съ отрѣзанными грудями въ газетахъ встрѣчаются очень часто. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству уполномоченнаго Краснаго Креста А. А. Стаховича, лично опрашивавшаго мѣстное населеніе, въ деревнѣ Петроково и въ окрестныхъ сельскихъ пунктахъ среди убитыхъ австрійцами мирныхъ жителей подобрано нѣсколько женскихъ тѣлъ съ отрѣзанными грудями.

Далѣе, офицеръ, раненый подъ Люблиномъ, разсказываетъ, что въ мѣстностяхъ между Зарашевымъ и Кайшановымъ въ цѣломъ рядѣ деревень попадались изнасилованныя польскія и еврейскія дѣвушки съ вырѣзанными грудями.

Удовлетворивъ свою гнусную похоть, нѣмцы и мадьяры затѣмъ мучаютъ несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, даже убиваютъ ихъ.

Такъ, по словамъ «Нов. Вр.», подбирая трупы убитыхъ австрійцевъ на позиціяхъ передъ Саномъ, наши «услышали слабый стонъ; приподняли блиндажъ—и нашли женщинъ. Сперва одну, затѣмъ другую, третью...

Ихъ затащили въ окопы нѣмцы изъ польскихъ деревень, держали подъ обстрѣломъ, а ночью издѣвались надъ беззащитными, предаваясь разврату и гнусностямъ. Женщинъ нашли полуживыми, истерзанными, истекавшими кровью, голодными—задыхавшимися въ трупномъ зловоніи. Почти всѣ онѣ вскорѣ умерли, но двѣ пока выжили».

Участникъ боя подъ Варшавой 29 сентября пишетъ: «Первое, на что мы обратили вниманіе, войдя въ деревню вслѣдъ за нѣмцами, была убитая женщина, прикрывавшая своимъ тѣломъ мертваго ребенка».

Раненый въ бояхъ съ пруссаками капитанъ Ченстуховъ намъ передавалъ, что въ одной деревнѣ близъ Сувалокъ нѣмцы стали избивать старую женщину, въ защиту которой вступилась ея невѣстка, присутствовавшая при дикой расправѣ. Разсерженный этимъ, одинъ изъ негодяевъ ткнулъ штыкомъ въ грудь молодую женщину, а другой, уже послѣ того, какъ она упала, ударилъ ее прикладомъ по головѣ, раздробивъ черепъ. Не довольствуясь этимъ убійствомъ, мерзавецъ схва-

тилъ за ножки младенца, лежавшаго въ люлькѣ, взмахнулъ имъ и ударилъ головою объ полъ. Затѣмъ у мертваго ребенка отрѣзалъ ухо, бросивъ его въ лицо обезумѣвшей отъ ужаса старой женщины. Капитанъ Ченстуховъ самъ видѣлъ свѣжій могильный холмъ, засыпанный на дворѣ избушки.

Случаевъ избіенія нѣмцами дѣтей насчитывается масса. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ одинъ офицеръ.

«Когда мы заняли Граево, выбивъ оттуда нѣмцевъ, и расположились тамъ, прапорщикъ 5-й телеграфной роты отправился на розыски молока. Еврей назвалъ адресъ одной польки, которая раньше продавала молоко. Полька объяснила съ рыданіями, что молока у нея нѣтъ, ибо всѣхъ коровъ угнали пруссаки; когда она стала умолять оставить ей хотя одну корову, чтобы прокормить своихъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, нѣмцы пожелали увидѣть дѣтей—не обманываетъ ли она ихъ. Несчастная вынесла ребятъ, и нѣмецъ застрѣлилъ ихъ, со смѣхомъ объявивъ, что такимъ образомъ онъ снялъ съ нея заботы по прокормленію дѣтей, и теперь ей не нужно больше коровы, и увелъ послѣднюю».

Вотъ каковы въ дѣйствительности наши противники. Нѣтъ въ нихъ ни воинскаго благородства, ни воинской доблести. Нѣтъ въ нихъ состраданія къ женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ и больнымъ. Не щадятъ они нашихъ раненыхъ воиновъ и перебиваютъ здоровыхъ, попавшихся въ ихъ руки. Нѣкоторые нѣмецкіе офицеры даже отдали

приказы по своимъ войскамъ,—не брать плѣнныхъ, а избивать всѣхъ положившихъ оружіе, не обращая вниманія на число.

Тяжелъ подвигъ, совершаемый нашими доблестными войсками, но сознаніе великой заслуги передъ Родиной и Царемъ дастъ имъ силы одолѣть до конца вѣроломнаго врага. Пусть наша «памятка» воодушевитъ храбрыхъ на новые подвиги и поддержитъ слабыхъ, если чувство робости начнетъ закрадываться въ ихъ сердца. Пусть каждый солдатъ помнитъ, что одинъ шагъ назадъ передъ противникомъ влечетъ новые потоки слезъ и крови беззащитныхъ стариковъ, женъ, и дѣтей.

Россія знаетъ своихъ защитниковъ, гордится ими и вѣритъ, что подъ ихъ могучимъ натискомъ не устоять нѣмецкимъ убійцамъ и насильникамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣмецкія звѣрства надъ русскими воинами . . 3

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Муки нѣмецкаго плѣна 27

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нѣмецкія звѣрства въ русскихъ земляхъ 44

CF

КНИГИ А. С. РЕЗАНОВА:

Нѣмецкія звѣрства, изд. 2-е, дополненное. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ и по офиціальнымъ документамъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Нѣмецкія звѣрства. Дополненія, вошедшія во второе изданіе, отдѣльной книгой. Цѣна 1 р.

Армія и толпа. Опытъ военной психологіи въ связи съ психологіей толпы. Цѣна 75 к.

Законъ 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства. Съ разъясненіями и дополненіями. Цѣна 80 к.

Печатается и скоро поступитъ въ продажу новая книга того же автора:

Нѣмецкое шпіонство. Книга составлена по даннымъ судебной практики и др. источникамъ.

Цѣна книги 25 к.

Для воинскихъ частей, выписыв
(Петроградъ, Широкая, 7) сви
ровъ, цѣна книги—15 коп. Пер
тельной стоимо